

Петр Валуев

Религия и наука

Петр Александрович Валуев

Религия и наука

Аннотация

«Четырнадцать лет тому назад покойный профессор Кавелин, стараясь определить задачи психологии, отозвался в следующих выражениях о тогдашнем направлении человеческой мысли, настроении духа и состоянии общественных нравов в христианском мире...»

Содержание

Петр Валуев

4

Конец ознакомительного фрагмента.

26

Петр Валуев

Религия и наука

I

Четырнадцать лет тому назад покойный профессор Кавелин, стараясь определить задачи психологии, отозвался в следующих выражениях о тогдашнем направлении человеческой мысли, настроении духа и состоянии общественных нравов в христианском мире¹.

«Посреди современного, великого движения умов, посреди великих событий, которые коренно пересоздают быт, нравы и верования европейских народов, все слышнее и слышнее звучит одна зловещая нота – упадающий интерес к лицу как нравственной личности. Вместе с тем и сами люди более и более чувствуют и сознают свое бессилие и ничтожество. Нравственная личность как будто сходит со сцены, а на место ее выступают безличные массы. Многие видят в том успех. Другие упадок. Как бы то ни было, но не подлежит сомнению, что душа, видимо, оскудевает в людях и в их взаимных отношениях. Великие утешители жизни,

¹ Задачи психологии. Вестник Европы. Апрель, 1872, с. 503–505, 514, 515, 532, 533.

поэзия и искусство, заметно падают; быстро исчезает та добродушная веселость, то радостное настроение, та беззаботная бодрость, которые сближают людей, устанавливают между ними прочные связи, поднимают общежитие и общественность и с которыми живет так легко, даже при самых трудных и прискорбных обстоятельствах. Народнонаселение всюду быстро растет, сношения между людьми ежедневно усиливаются, обмен услуг и мыслей возрастает в поражающей прогрессии, а в нравственном смысле люди больше и больше становятся похожи на троглодитов — так равнодушны, холодны, недоверчивы, подозрительны становятся они друг к другу, так мало между ними искренности, задушевности и сердечного доброжелательства. С виду общественная жизнь никогда так не процветала; на самом деле каждый глубоко ушел в самого себя, старается отгородить себя от других каменной стеной и думает только о себе, мало заботясь о других. Действительное одиночество, при кажущейся общительности, сушит и портит людей. Цвет, краски и благоухание жизни теряются, даже потребность в них, смысл к ним постепенно вымирают из поколения в поколение. Оттого нравы, при видимой утонченности, на самом деле грубеют; самый горизонт воззрений суживается, мысль теряет размах и полет, а с утратою широты мысли и убеждения человек мельчает характером, делается менее и менее способным настойчиво преследовать задуманные планы и цели, теряет твердость и выдержку, бежит труда, сразу хочет получить то, что при-

обретается лишь долгим напряженным усилием, и при первой неудаче оказывается жалким и малодушным. Характеры бледнеют и исчезают вслед за художественным творчеством и чувством. Так, или почти так, иногда теми же словами, жалуются все, от мала до велика, образованные и простые люди, у нас и в Европе»...

«Христианство, — мы касаемся здесь только его исторического значения, — окончательно разорвало всякую связь между внешним, материальным и идеальным миром и совершенно перенесло центр тяжести в последний... Для человека наступила пора обновления... Идеал христианина есть душевная жизнь, нравственное совершенство... В истории это была минута действительного возрождения человека к новой жизни, небывалой, перед которой всякая другая жизнь казалась бледною и жалкою. С христианством апогея идеального развития была достигнута. Оно завершилось, и с тех пор началось обратное движение от идеального мира к внешнему, реальному. С одной стороны, предстояло пересоздать действительность по христианскому идеалу <...>; с другой — необходимо было открыть научное основание евангелических истин. Формулировать их по правилам строгой науки и таким образом, связав цепью причин и последствий с наглядными истинами, сделать их доступными не для одних верующих, а достоянием науки и знания. Эта двойная задача выпала на долю новых европейских народов».

<...>«Надо перестать убаюкивать себя фразами, которым

мы сами больше не верим, искренно и строго проверить наши взгляды и доискаться, путем науки и положительного знания, до причин нашей нравственной скудости, при огромном умственном богатстве. Такое исследование приведет нас к психологии, потому что в нашей душе, в ее жизни и отправлениях, скрываются источники наших радостей и печалей, истины и лжи, добра и зла, правды и неправды. Если миру суждено быть обновленным, то это может совершиться изнутри нас. Без участия нравственных, психических элементов и деятельности немислимо никакое обновление».

«...» «История, по-видимому, снова приближается к одной из тех заключительных фаз целых периодов, когда, как было уже несколько раз, лицо более и более обособляется, выдвигается вперед и становится главным, определяющим элементом общности»...

«...» «Нравственный упадок человека не раз повторялся в истории и каждый раз заканчивался великою скорбью, отголоски которой слышатся во взглядах передовых мыслителей. Мы видим ее в Индии, в учении Сахия Муни, основателя буддизма, вычитываем из сочинений и мыслей стоиков и эпикурейцев, эпохи падения классического мира, наконец, находим в учениях и системах наших современников Шопенгауэра и Гартмана... Пройденный путь все еще слишком короток, чтобы уже можно было, как пытались многие, делать заключение о конечной цели развития и выводить его формулу. Однако дознанная преемственность развития в че-

ловеческом роде и пережитые им фазисы уже дают повод к некоторым более или менее вероятным соображениям»...

Двенадцатью годами позже тот же самый почтенный мыслитель и писатель издал в свет другой труд, под заглавием «Задачи этики». Этот труд, составляющий как бы послесловие «Задач психологии», не противоречит общему взгляду, изложенному в приведенных мною выше сего выписках. При таком именно взгляде автор должен был придавать особое значение этике, как «учению о нравственности». Но он допустил существование двух различных этик – научной и не научной – и в виду имел только первую. Самое заглавие его книги включает в себе оговорку. Там значит, что речь идет об учении о нравственности *при современных условиях знания*. Для точного изложения тех мнений Кавелина, до которых должны касаться мои соображения по этому предмету, я и здесь привожу из его «Задач» несколько дословных выписок:

«Цель (религии и нравственности) одна и та же, нравственное развитие и совершенствование каждого человека; но к этой общей задаче вероучение и этика идут совершенно различными путями».

«Вероучение ставит предпосылкою, что разум человеческий ограничен и неспособен обнять всей истины; что она доступна ему лишь настолько, насколько открыта свыше; открыта же она ему не вся, а в той мере, как это необходимо для благочестивой и нравственной жизни на земле. Поэтому

единственный источник вероучения есть откровение и священное предание, переходящее из рода в род, от которых нельзя и не должно отступать ни на йоту. С точки зрения религии учение о нравственности есть систематическое изложение того, чему учит откровение, священные предания и их святые истолкователи о нравственной жизни и нравственном совершенствовании человека».

«Иными путями идет научная этика, составляющая особую отрасль знания. Она, как и всякая наука вообще, основана на предпосылке, что самостоятельному исследованию человека доступны все самые сокровенные тайны мира и бытия и что, следовательно, учение о нравственности, как предмет знания, может быть построено собственными, свободными усилиями человека»<...>

«Люди чрезвычайно различны между собою, и действовать на всех одними и теми же доводами невозможно: для одних доступны и убедительны доводы вероучения, для других аргументы науки и знания. Отбрасывать тот или другой путь значило бы отвращать от истины и правды массы людей только потому, что они способны принять ее лишь в том, а не в другом виде. Одни предпочитают всему строгие выводы ума и логики; другие не придают им особенной цены и важности, следуя голосу непосредственных сердечных ощущений. Пусть каждый и выберет путь, какой ему кажется лучше. К сожалению, глубокое взаимное отчуждение людей веры и науки замечается и в деле нравственно-

сти, как и во всем остальном. Чем объяснить это? Согласно с тем, что сказано выше, мы приписываем это, с одной стороны, крайнему, преувеличенному доверию к объективной точке зрения, которое проникло даже в воззрения и мирозерцание верующих, а с другой – непоследовательности поборников науки и знания, которые часто останавливаются на полудороге, не решаясь принять всех выводов и заключений, вытекающих из научного мировоззрения. Чтоб дойти до субъективных идеалов, на которых держится этика, чтоб связать в сознании индивидуальную жизнь с общеобъективной, без чего этика немыслима, надо смело, без страха пройти шаг за шагом, до конца весь путь отрицаний. Очень многие этого не делают и, сбившись с дороги, путаются в построениях, не выдерживающих строгой и научной критики. Нам теперь кажется, будто религия и наука, стоя на одной и той же почве, исключают друг друга. История не подтверждает такого взгляда. Религия и наука появились одновременно, вместе с пробуждением сознательности, но сначала существовали рядом, занимая каждая свое место в жизни и понятиях людей. Областью религии была внутренняя субъективная жизнь и деятельность людей, областью науки – внешняя, объективная. Чем менее была развита индивидуальность, тем более религия и наука смешивались и не различались между собою. Но по мере того как сознание росло и крепло и индивидуализм выдвигался все более и более вперед, религия и наука все более и более различались и от-

далялись друг от друга. У новых европейских народов обе долго существовали мирно одна подле другой, с преобладанием религиозных верований над знанием; но потом между ними произошел решительный и резкий разрыв, и началась борьба, которая наполнила собою всю новую европейскую историю и *окончилась полною победой науки над верованиями*. Отголоски этой вековой борьбы слышатся до сих пор и ее следы глубоко проникли в воззрения и быт современных европейских народов. Все, что думается и делается в Европе, проникнуто воспоминаниями этой *борьбы, поражения и победы*. *У нас развитие индивидуализма, личности едва только начинается. В умственной жизни Европы мы не принимали участия, но как ее ученики, горячо усвоившие себе все ее интересы и взгляды, не всегда отдаем себе ясный отчет в ее уроках и повторяем, часто наобум, без рассуждения, мысли и слова, действительного смысла которых надо искать в историческом развитии о его фазисах»*«...»

«Все, в Европе и у нас, жалуются на пустоту и бесцельность жизни. Она иссякает, цвет ее поблек... Нет идеалов, или они недостижимы... Пока люди имели идеалы и надеялись видеть их осуществленными, они не жаловались на то, что жизнь не имеет смысла, бодро и радостно жили для них, мужественно перенося всякие страдания и лишения, которых прежде было не меньше, чем теперь. Вера и надежда служили им твердою опорой и поддержкой»...

«Христианство дало новым народам высшие нравствен-

ные идеалы готовыми, как руководство для жизни и деятельности. Люди стали о них думать и рассуждать, обратили предмет веры в предмет знания. *Но жить и знать не одно и то же. Рядом с христианскою жизнью появилась наука... Она явилась нейтральною средой, судьей и посредником между внутреннею и внешнею жизнью и деятельностью человека, росла, крепла, овладела мало-помалу всею позицией и все подчинила своей власти.* Первым последствием такого значения науки было ослабление доверия к истине, полученной помимо знания. Она должна была предстать пред ее судом, пройти чрез ее критику, чтобы получить право гражданства... Это было высшим торжеством мыслящей способности человека; но и с нею произошло потом то же, *что с развенчанною и непосредственно данною истиной.* Против безусловного авторитета разума и мышления восстало опытное знание, которое доказало, что мышление, само по себе, бессильно и впадает в ошибки... Мысль и жизнь, наука, знание и действительность, общее и единичное, индивидуальное, объективное и субъективное остались после победы знания над верой раздавленными такою же непереступаемою бездною, как и прежде. Но прежде мы и не обольщались надеждой открыть связующие их звенья; мы верили, что это тайна, непостижимая для ума. Ум не останавливается перед тайнами. Мы поверили ему, пошли путем знания и опять остановились перед тою же самою тайною; но по ту сторону бездны, которая нас останавливает, находится не любя-

щий, благой промысел, который о каждом из нас заботится, каждого из нас руководит и неведомыми нам путями ведет к блаженству и счастью, а безличная и бессердечная сила, страшная и чуждая нам, которая, как колоссальный механизм, правильно, однообразно действует по присущим ему законам и безучастно, немилосердно давит все, что попадает под его колеса. *Трижды счастлив тот, кто не искушался последовать призыву ума и, не пускаясь далеко от берега, мирно плавает около него, освещаемый надежным светом маяка; но кто отважился идти под знаменем ума отыскивать неизвестное, сожегши за собой корабли, тому уже нет возврата; он должен идти до конца, не останавливаясь ни перед какими препятствиями, не страшась никаких чудовищ...* Таким образом, развитие самого знания приводит нас опять к религии и научной этике. Обе, сначала отвергнутые, оказываются двумя различными путями к устроению личной судьбы, жизни и деятельности человека... Опускаясь из мира обобщений и отвлеченностей к жизни и действительности, мы не можем остановиться ни на религии, как на догматическом учении, ни на этике, как на научной системе, а должны опуститься еще ниже, сделать еще один, последний шаг, осуществить в жизни, на самом деле, то, чему учат религия и этика»².

В этом общем положении, далее не развитом и не разъясненном, сказалось последнее слово Кавелина, окончательно-

² Задачи этики, с. 114–117, 137–139, 146.

ный результат двенадцатилетнего, по собственному его показанию, размышления о «задачах этики». Оставаясь верным прежнему безотрадному взгляду на состояние умов в христианском мире, изложенному в «задачах психологии», Кавелин указывает на необходимость шага, который он называет последним. Этот шаг действительно составляет первенствующую задачу нашего времени, и Кавелин для него признает открытыми два пути, не замечая, что он вовсе не доказал возможности обоими достигнуть цели.

II

«Задачи этики» были подвергнуты г. Спасовичем в «Вестнике Европы»³ блистательной критике, но преимущественно с формально-научной точки зрения. Критик не желал, по-видимому, определительно высказаться по коренному вопросу о двух путях, будто бы приводящих к одной цели. Мимоходом им, однако же, брошено беглое замечание, показывающее, что он не одного мнения с Кавелиным насчет первого из указанных им путей. «Я не хочу касаться церковного учения, – говорит г. Спасович, – но, рассуждая о таких *христианских* этиках, какова кавелинская, я утверждаю, что они могли бы многое позаимствовать, например, от буддизма»⁴. Кавелин отвергает все трансцендентное, и «нумена» Канта,

³ Вестник Европы, окт., 1885, с. 717–756.

⁴ Там же, с. 735.

и «непознаваемое» Спенсера, и, по замечанию г. Спасовича, не занимается ни выводом, ни опровержением идеи долга и его санкции⁵.

Он выводит или старается вывести свое этическое учение из глубины человеческой природы и до такой степени опасается сойти с почвы опытного знания, что ни в задачах психологии, ни в задачах этики идея бессмертия души ни одним словом не упомянута.

Этот характеристичный пробел в «Задачах психологии» дал повод к некоторым метким замечаниям со стороны покойного Ю. Ф. Самарина⁶. Философия, говорит Самарин, ставит начала, но она *не дает их никому*, потому что ей вообще нет дела до субъектов, а начало, или правило, входит в жизнь субъекта только в той мере, в какой оно становится для него обязательным, иначе *долгом*... Не удивительно, что по изгнании из душевной храмины раскаяния, молитвы и беседы с Богом, в ней ощущается какая-то пустота и неприятный холод. Со средою нельзя беседовать: она глуха, слепа и не знает субъекта... Кто же отнял у субъективной жизни ее смысл и художественную полноту ее? Кто изуродовал ее во всех ее моментах, отсечением от нее последнего действия загробного суда, этой необходимой ее развязки, которой предчувствие составляет главный интерес земной жизни?.. Всякое нравственное требование предполагает,

⁵ Там же, с. 721.

⁶ Вестник Европы, май, 1875, с. 363, 364, 369, 370, 384.

как единственную оправдывающую его предпосылку, данные религиозного свойства, и с устранением их в область сомнительного само становится неразрешимым вопросом и теряет свою обязательность... Желательно было бы когда-нибудь выяснить, определить и перечислить все то, от чего подразумеваемо отказывается человек, покидающий религиозную почву, и что, рано или поздно, в силу жизненной логики, непременно от него отпадет... Глубокая правда в словах: «la religion est avant tout une chose d'expérience personnelle. Откровение, данное всему человечеству в объективной форме, предполагает непременно непосредственное личное откровение, слово, обращенное к каждому субъекту порознь и доносящееся до него чрез все события внутренней и внешней его жизни. Доказать этого, конечно, нельзя (точно так, как нельзя доказать произвольности того или другого поступка, ее можно только признать), – вера, т. е. опознание и признание этого голоса, не вынуждается никакими доводами. Она есть акт свободы; оттого ей и приписывается спасительная сила».

По мнению г. Спасовича Кавелин только потому строил свою этику на научной почве, что бывают люди, которым никакие земные силы не могут внушить веры. Таким людям и научные этики мало принесут пользы. Замечательно в этом случае неизбежное влияние ложной основной идеи. При светлом уме и глубоко нравственном направлении Кавелина, его книга производит впечатление, не соответству-

ющее цели, и переполнена неверными, произвольными, даже противоречивыми положениями и обобщениями. Нельзя говорить, что борьба религии с наукой наполнила собою всю новую Европейскую историю и окончилась (?) полною победой науки. Победой над чем? По определению академического словаря, – над «верой в Бога» и «Богочитанием». Не во имя науки и не против науки ведена тридцатилетняя война и велись позднейшие войны. Также неверно предположение, будто развитие индивидуализма враждебно религии, потому что благоприятствует успехам науки. Сам Кавелин признает областью религии внутреннюю субъективную жизнь человека, и весь ход реформации, равно как и возникновение всех религиозных сект, о том свидетельствуют. Наоборот, чем точнее наука, тем менее в ней простора для субъективных взглядов. Нельзя говорить, что религия и наука появились (?) одновременно, вместе с пробуждением сознательности, и что чем менее была развита индивидуальность, тем более религия и наука смешивались. Тому противоречит история древнего мира. Аристотель, Евклид и Птоломей оставили за собою научный след, нисколько не сливавшийся со следами религиозных понятий египтян и греков. Эти понятия вообще имели мало влияния на исторические судьбы Греции и Египта. История еврейского племени, напротив того, с начала до конца запечатлена господством религиозных идей и верований. Нельзя забывать, что религиозный прозелитизм, проявлявшийся с особою силой в но-

вейшие времена между христианскими и магометанскими народами, не зависел от состояния наук в эпохи его проявлений. Нельзя оставить без внимания всеобщего исторического факта, что нравы везде были отражением религиозных понятий и что без таких понятий никакое отвлеченное учение о нравственности нигде не могло упрочиться. Нельзя также говорить о доступности самостоятельному исследованию человека «всех, самых сокровенных тайн мира и бытия», — и вслед затем признавать, что человеческий ум «не схватывает индивидуальности, чувства и перехода объективного в субъективное».

Мысль, что наука может служить суррогатом религии и что знания и верования суть разные пути к одной цели, не только ошибочная, но при дальнейшем развитии и применении опасная мысль. В ней кроется отрицание христианства. Осторожный выбор выражений и почтительные обороты речи не изменяют существа дела. Отрицание остается отрицанием, с тем только различием, что маскированное отрицание более вредно, чем прямое, потому что оно менее тревожит ум и менее претит сердцу человека. Оно чаще приводит в раздумье, чаще возбуждает или усиливает сомнения и всегда находит себе опору в окружающей нас среде. К этой среде принадлежит надеваемая маска. Ее черты льстят нашему самомнению и самолюбию; но путь отрицаний скользкий путь. Хотя многие, по выражению Кавелина, «не решаются весь путь пройти смело, без страха, шаг за шагом, до кон-

ца», тем не менее достаточно и нескольких шагов, чтобы, по его же выражению, «сбиться с дороги и путаться в построениях». Смелость отрицаний не дает других результатов.

Теория двух этик, религиозной и научной, вводит между людьми новый элемент разъединения. Она признает два разные начала нравственности: одно по заповеди, другое по доброй воле, — одно по откровению свыше, другое по человеческому разуму, — одно, объемлющее всех и всеми постижимое, другое для немногих созданное и лишь весьма немногими воспринимаемое. Очевидно, что только ничтожное меньшинство людей может быть научно нравственным. Этические поучения с кафедры или с типографского станка не могут быть обращены к массам, и даже по отношению к отдельным личностям им всегда будет не доставать санкции высшего авторитета. Проповедь, каковы бы ни были ее недостатки, сказывается не от имени проповедника. Лекция, каковы бы ни были ее достоинства, имеет за собою только того, кто ее читает. Нельзя не верить искренности научных преподавателей этики; но, видя их учеников, нельзя верить успеху преподавания.

Если Кавелин прав, говоря о «звучащей в наше время зловещей ноте», об «оскудении души в людях», об «утрате цвета, красок и благоухания жизни», о «вымирании потребности в них и смысла к ним», о «мельчании человека» и о «грубении нравов» при кажущейся их утонченности и если нравственная личность в наше время действительно схо-

дит со сцены, а на место ее выступают «безличные массы», то где же искать способов к исцелению этих недугов и каким путем достигнут охранения и возвышения нравственной личности человека?

Для достижения цели есть только один путь, путь этики религиозной. *В признании этой истины заключается главная задача нашего времени.*

Прошу читателя терпеливо проследить развитие моей мысли. Я не намерен утомлять его внимание догматическими положениями и перефразированием давно известных ему текстов.

III

Говоря о религии и науке, нужно прежде всего уяснить себе, что именно мы разумеем под этими выражениями.

По академическому словарю, религия есть «Богочитание; вера в Бога». По словарю Даля: «вера, духовная вера, исповедание, Богочитание, или основные духовные убеждения».

Наука, по определению академического словаря, «систематическое изложение какой-либо отрасли человеческих познаний»; а по определению Даля: «разумное и связное знание; полное и порядочное собрание опытных и умозрительных истин какой-либо части знаний; стройное, последовательное изложение любой отрасли или ветви сведений».

Этих определений достаточно, чтобы убедиться в несоизмеримости двух областей: религии и науки. Области пограничны и частями входят одна в пределы другой, но совпадать не могут. В одной господство принадлежит вере, в другой знанию; вера от видимого мира переносится в невидимый, знанию этот мир недоступен; вера смотрит на кратковременную земную жизнь человека как на начало другой, бесконечной жизни; знание не находит убедительных к тому доказательств и если прямо не отрицает бессмертия души, то оставляет вопрос о нем открытым; вера согласуется с постепенным расширением круга земных знаний и не имеет надобности к ним относиться враждебно; знание естественно клонится к опровержению верований, потому что они по существу своему научно бездоказательны.

Современное направление науки решительно противорелигиозно. В виде примера результатов, к которым она приходит путем тех «смелых до конца отрицаний», о которых упомянул Кавелин, привожу два отрывка из помещенных в английском журнале *Nineteenth Century*, за декабрь 1885 и апрель 1886 года, статей профессора Гексли (Huxley), президента Королевского общества наук.

В первой из этих статей, в ответ на статью г. Гладстона о книге Бытия, профессор Гексли говорит, между прочим, следующее: «с морфологической точки зрения наш красивый и полезный современник, — я почти мог бы назвать его коллегой, — конь („*Equus caballus*“), есть последний вид того

эволюционного ряда, к которому он принадлежит, – точно так, как „Homo Sapiens“ последний вид того ряда, в состав которого он входит...»

И далее:

«То, что в наши дни мы обыкновенно благоволим называть религией, есть большею частью только Эллинизованный Иудаизм. При этом эллинический элемент нередко содержит в себе сильную примесь язычества древнего мира и значительную долю самых слабых и дурных продуктов греческой умозрительной науки»⁷.

В другой статье (об эволюции в сфере богословия) значится следующее:

...«Проходят века, и политеизм возвращается под видом Мариолатрии и поклонения святым; почитание изображений распространяется, как в древнем Египте; поклонение мощам заступает поклонение древним фетишам, даже люстральная вода язычников заменяется освященной водой в преддвериях храмов... Величайшие умы в средних веках не избегают этой заразы» (!) ...«Я убежден, что при дальнейшем распространении образования... и его необходи-

⁷ From a morphological point of view our beautiful and useful contemporary, – I might almost call him colleague, – the Horse (*Equus caballus*), is the last term of the evolutionary Series to which he belongs, just as *Homo Sapiens* is the last member of the Series of which he is a member... What we are usually pleased to call religion nowadays, is for the most part, Hellenised Judaism; and, not unfrequently, the Hellenic element carries with it a mighty remnant of old world paganism and a great infusion of the worst and weakest products of Greek Scientific Speculation (*Nineteenth Century*. December 1885).

мого спутника, постоянного возвышения условий и уровня правдивости науки, конец эволюции богословия будет сходен с его началом. Его отношения к этике совершенно прекратятся... Может статься, что для практики нравственности большинство человечества предпочтет, как средство более удобное, употребление богословских символов... Но когда таким символам придается значение существ, имеющих действительное бытие, я считаю высшим долгом мужей науки утверждать и доказывать, что эти догматические идола по своему достоинству не превосходят тех фабрикаций человеческих рук, дерева и камней, которых они заменили»⁸.

Замечательно то хроническое, нередко ожесточенное недоброхотство, с которым отрешившая себя от веры наука относится к религиозным верованиям. В области естествознания всякое новое открытие, неудобосогласимое с библейскими текстами, торопливо признается победою исти-

⁸ ...As, century after century, the ages roll on, polytheism comes back under the disguise of Mariolatry and the adoration of Saints; image worship becomes as rampant as in old Egypt; adoration of relics takes the place of the old fetish worship... and even the lustral fluid of paganism is replaud by holy water at the porches of the temples... The greatest men of the middle ages are unable to escape the infection... It is my conviction that, with the spread of culture... and its necessary concomitant, a constant elevation of the Standard of veracity, the eud of the evolution of theology will be like its beginning, – it will cease to have any relation to ethics... It may be that the majority of mankind may find the practice of morality made easier by the use of theological symbols... But when such symbols are dealt with as real existences, I think the highest duty which is laid upon men of Science is to show that these dogmatic idols have no greater value than the fabrications of men's hands, the Stacks and the Stones, which they have replaced (*Nineteenth Century*. April 1886).

ны над суеверием; всякая научная гипотеза, противоречащая традиционным понятиям о мироздании, быстро воспринимается и распространяется. То же настроение обнаруживается и в исторических и философских ученых трудах. Уже Гиббон смело высказал мысль, что добродетели христианского духовенства *вреднее*, с точки зрения интересов философии, чем его пороки. Философы дали одному немецкому писателю повод заметить, что невообразимо много труда мысли потрачено на то, чтобы перестать мыслить о Боге (Unbegreiflich viel Denken dazu verwandt, Sich Gott aus der Welt wegzudenken). Но тщетны такие старания. Несмотря на все усилия исключить трансцендентное из области человеческого мышления, трансцендентное удерживает в ней свое место и повелительно призывает к себе мысль человека. Все отрицания бессильны против того верховного понятия, которое Спенсер называет «непознаваемым» (Unknowable). Все эволюционные системы не могут дойти до начатка эволюций. Верховная причина всего того, что существует, никакими исследованиями не открыта и верховная идея Божества никакою другою идеей не заменена. Некоторые из современных руководящих ученых сами признают, что есть предел, которого человеческая наука переступить не может. Профессор Тиндаль говорит, что пробуждение сознания, или переход к сознанию, факт ничем необъяснимый. Профессор Макс Мюллер недав-

но высказал следующее⁹: «Наши по истине чудные рассудочные или умственные способности совершенно бессильны перед вопросами о начале вещей. Мы можем, относительно первобытного человека, воображать себе, что нам угодно, верить во что нам угодно; но *знать* о нем мы решительно ничего не можем. Если мы дойдем до понятия о первоначальной ячейке, то ячейка, из которой мог образоваться человек, еще непостижимее нашему уму, чем человек, образовавшийся из ячейки. Если мы остановимся на понятии о каком-нибудь первоначальном *pro anthropos*, то его существо для нас будет еще более загадочно, чем существо позднейшего *protanthropos*. Если мы всю солнечную систему возведем до идеи о первобытной вращающейся туманности, то эта дивная туманность, из которой путем эволюции и круговращения могла бы образоваться обитаемая вселенная, нам будет еще менее понятна, чем сама вселенная. Назидательная истина, что нашему знанию положен предел, есть древняя истина; но она тем не менее должна быть нам вновь проповедуема и повторяема. Ее проповедовал Будда; ее проповедовал Сократ; ее же проповедовал с особою силой в последнее время Кант. Философию назвали знанием нашего знания. Правильнее было бы назвать ее знанием нашего неведения»...

⁹ Nineteenth Century, Jan. 1885.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.